

АДЖОНИ РАС

**ТРИ ЗАГАДОЧНЫХ
ИСТОРИИ**

Аджони Рас
Три загадочных истории.
Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26534949

ISBN 9785448578342

Аннотация

Позвольте, я расскажу вам историю... Хотя нет, это будут три истории и три пути, по которым я поведу вас за руку. Один приведет к юноше, мечтающему узнать, что ждет нас после смерти, об этом он спросит у того, кто помнит, как умирал раньше... Другой приведет к старому писателю, мечтающему попасть в сказки, которые пишет ночами, но не может открыть дверь, которую видел ночами. Последняя ведет на далекую планету, где загадочная Пелена пожирает не только еду, но и вашу... Но об этом чуть позже!

Содержание

Блестиум

6

Конец ознакомительного фрагмента.

41

Три загадочных истории

Сборник рассказов

Аджони Рас

© Аджони Рас, 2018

ISBN 978-5-4485-7834-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Блестиум

Рассказ

Война в одинаковой мере облагает данью и мужчин, и женщин, но только с одних забирает кровь, а с других – слезы.

Уильям Мейкнис Теккерей

Разноцветные таблетки выстроились в две ровные линии, идущие от оконного стекла к краю подоконника. Кай поглаживал их блестящие пухлые бока подушечкой указательного пальца и напевал рождественский мотив бессмертного Фрэнка Синатры. Электронные часы, закрепленные на козырьке главного входа больницы, показывали половину десятого, а значит, до Нового года оставалось совсем мало времени.

Там, в стороне, за высоким забором из кованых прутьев, всего в шаге от Центральной клинической больницы №3, жил своей жизнью город. В отличие от умиротворенного и сонного царства реанимации, где все, казалось, замерло и даже не помышляет о движении, город гудел, свистел, извергал из окон авто мотивы новогодних хитов и огрызался разрывами петард.

Город жил, и плевать ему было на тех, кто здесь лежит и отчаянно борется за свою жизнь, участь глотать, ходить и даже дышать без помощи электроники. Естественный от-

бор и ничего личного. У города свои проблемы, и, кажется, именно он, город, отгородился от больницы двухметровым забором, а не наоборот! Так огораживают опасные участки, где различные городские службы производят ремонтные работы, чтобы случайный прохожий не свалился в разрытый колодец или не угодил еще куда-нибудь похуже. Так отгородили и больницу. Он размышлял об этом еще несколько минут, продолжая поглаживать красную таблетку с выпуклой буквой «м», пока его не отвлек вой полицейской сирены за окном.

Кай выпрямил затекшую спину, отчего та предательски хрустнула, и осмотрел тускло освещенную палату, в которой собирался встретить Новый год. Обычная палата с двумя кроватями, одна у стены, одна почти в центре, прямо напротив окна, у которого он стоял. У двери умывальник и специально оборудованная уборная для удобства больных с травмами конечностей и тех, кто не может сделать все «свои дела» без специальной поддержки или опоры. Света немного, он специально отключил светильник над кроватью умершего несколько часов назад коматозника. Умер тот тихо, так и не приходя в сознание, так что суету никто не разводил, дело это вполне обычное. Утром его увезут в полуподвальное помещение больничного морга – место мрачное и холодное до дрожи в коленках. Ночные медсестры, дежурившие сегодня на этаже, потеряли к этой палате всякий интерес, и теперь можно не беспокоиться, что сюда неожиданно нагрянут

с обходом или уборкой.

Здесь, в реанимации и соседствующем на этом же этаже нейрохирургическом отделении, работают только самые опытные, и сейчас в другом конце коридора они уже накрывают стол, расставляя баночки и плошечки с салатами, вареной картошкой, курицей и, разумеется, сельдью с нарезанным кружочками луком. Ближе к новому году скромно проводят старый под тихое чоканье одноразовых стаканчиков с дешевым шампанским, потом пригубят спирта, разбавленного градусов до тридцати, и будут болтать о своем.

Кай даже хотел в какой-то момент присоединиться к ним, но все сестры были старше как минимум лет на двадцать, а соответственно, общих интересов и тем для застольных бесед немного. Кай и со сверстниками не всегда находил общий язык, а уж с женщинами за пятьдесят и вовсе не знал, о чем говорить. Они были матерями, женами, настоящими хозяйками и, хотя работали простыми медсестрами, бесспорно, являлись профессионалами. Других главврач больницы Борис Степанович не держал.

Подойдя к раковине, Кай умыл уставшее от постоянного недосыпа лицо холодной водой. Он знал, что стоит принять одну из таблеток, лежащих двумя ровными рядочками на подоконнике, усталость растворится без следа, словно сахар в горячем чае, ну а пока не помешает и освежиться. Из зеркала над раковиной на него уставился светловолосый мужчина с бледным лицом. Обычный аспирант меди-

цинского института и яркий представитель поколения сенсорных дисплеев и дорогих гаджетов. Зауженные джинсы, белый докторский халат, надетый прямо на теплую толстовку, и легкие беговые кроссовки. Типичный образ молодого хирурга, будто сошедшего со страниц современного и не самого лучшего детектива.

Кай сел на пол рядом с раковиной и открыл банку пива. Нет, он совсем не так планировал провести эту ночь, но уговор есть уговор. Ведь не мог он знать тогда, что окажется неправ по всем статьям и проиграет спор с вытекающими отсюда последствиями. А последствия таковы, что он должен заменить Карину на ее ночном дежурстве. Как же она ликовала, когда поняла, что Каю уже не удастся оживить Гошу.

Гоша – это специальный тренажер в виде ребенка, сделанный из плотной резины и нашпигованный всяческими датчиками и приборами. На Гоше можно отрабатывать различные приемы оказания первой помощи, например, искусственную вентиляцию легких, массаж сердца и прекардиальный удар. Для начала задается специальная программа, одна из тех, что установлена заводом, выпустившим Гошу, потом испытуемый должен эту программу отработать. В качестве предмета спора Кай и Карина выбрали поражение электрическим током с остановкой сердца.

Согласно правилам реанимация начинается с прекардиального удара. Это когда ребром сжатой в кулак ладони бьешь в область сердца, давая ему импульс к сокращению.

Сделать все надо так, чтобы остались целы ребра, но удар должен быть достаточно сильным, иначе сердце не забьется вновь. Карина действовала, как робот. Удар, второй, пульса нет, она начала непрямой массаж сердца с вентиляцией легких, как по инструкции, и через сорок семь секунд Гоша был спасен от неминуемой смерти.

Кай старался, несколько секунд прицеливался, выбирая место для удара, затем рука рассекла воздух и беззвучно вошла в податливую резиновую плоть. Гоша отправился в свой кукольный рай, в существовании которого Кай искренне сомневался. Он сломал датчики-ребра, и на этом реанимация была закончена. Увы, электронная жизнь Гоши оборвалась, а вечеринка, запланированная месяц назад, теперь проноси-лась мимо, словно поток безликих, одинаково серых от грязи машин! Карина ликовала. Она так хотела попасть в новогоднюю ночь домой, что даже пообещала Каю устроить романтическое свидание, и это обещание на какое-то время заглушило обиду.

Втайне мечтая о Карине, он надеялся, что рано или поздно появится шанс сблизиться с ней по-настоящему. Если и заводить серьезные отношения, то только с такой девушкой, сочетающей внутреннюю красоту и внешнее очарование. Она всегда относилась к нему по-особенному, не то чтобы оказывала ему знаки внимания, нет, скорее проявляла заботу, как это делает старшая сестра. Могла зайти в общежитие и взять его вещи, чтобы после постирать их дома и вернуть уже от-

глаженными, аккуратно уложенными в пакеты. Причем такая вот забота распространялась исключительно на него, и, хотя дальше простой человеческой дружбы они пока не заходили, надежда на более близкие отношения теплилась в его сердце по-прежнему.

Проявила заботу и в этот раз. Чтобы Кай не вешал нос, Карина приготовила специальный новогодний коктейль из пары десятков таблеток. Как невропатолог, в особенностях работы мозга разбиралась она отлично, зная все тонкости и секреты данного ремесла. Кай не сомневался, что всего несколько этих маленьких пилюль погрузят разум в негу параллельной вселенной, где можно ощутить запах музыки и цвет звука.

Пустая смятая банка полетела в мусорное ведро, и Кай открыл новую. Холодный горьковатый напиток приятно смочил горло и провалился в желудок. Кай неспешно поднялся, слегка размял ноги, поочередно выбрасывая их вперед, словно пытаясь ударить по невидимому мячу, и, подойдя к окну, очередным глотком пива запил две красные таблетки. Все что оставалось теперь, – просто ждать.

Наркотик, психотропный препарат или еще что-то? Теперь не важно, что конкретно приготовила ему кареглазая красавица с черными, как нефть, волосами и манящим, гипнотизирующим до потери сознания взглядом. Помимо тела с почти бронзовой кожей Карина обладала острым умом, пожалуй, одним из лучших на всем курсе. Именно острый

ум и бурная фантазия помогали делать эти безумные смеси из чудодейственных лекарственных препаратов.

Погруженный в мечты о Карине, Кай уселся на пустую кровать и, уставившись на наряженную ель, принялся опустошать очередную банку алкоголя. Разноцветные гирлянды меняли цвет, мигая в такт только им известной мелодии. Синие, красные, зеленые, желтые вспышки сменяли друг друга, то сбегая вниз, то взлетая к вершине, украшенной острым ярко-красным шпилем.

За забором редкие прохожие спешили к новогодним столам. Вот парочка, ей на вид всего лет шестнадцать, в белой куртке и кремовых сапожках, а он лет на пять старше, в дутом черном пуховике и кроссовках с толстыми оранжевыми шнурками. Девушка и парень остановились у забора и стали рыться в пакете, будто проверяя, ничего ли не забыли. Мимо с крейсерской скоростью проплывает другая парочка, этим на двоих лет сто двадцать, а то и больше. Они уже никуда не спешат, наслаждаясь обществом друг друга. Одеты хорошо, он в коричневом пальто, темно-синих вельветовых штанах и блестящих лакированных туфлях, а она в полушубке из норковых шкурок белого цвета. Парочка о чем-то беседует, с их лиц не сходят улыбки, отражая внутреннее умиротворение и радость от совместной прогулки.

Каю стало тоскливо от созерцания чужого и такого далекого счастья. Он снова уставился на припорошенную снегом елку. Мерцание ее праздничных огней завораживало и гип-

нотизировало, словно мелькающие за окном поезда редкие деревья, растущие вдоль дороги. Он уже машинально подносил банку к губам, не в силах оторвать взгляда от магического танца света, когда в палате раздался мужской голос:

– Дай глотнуть! – прозвучало со стороны входа в палату.

Любой другой человек подпрыгнул бы от страха и неожиданности, да и соседство с трупом могло сыграть злую шутку. Алкоголь же с таблетками уже изменили сознание, и неожиданный визит даже обрадовал Кая. С нервами у докторов все в порядке, такая работа.

За три года учебы он изменился, как, впрочем, и многие учащиеся с их потока. Нет, не стал грубым характер, как и восприятие всего окружающего не претерпело ощутимых изменений, совсем нет. Просто вдруг поймал себя на мысли, что может улыбаться и играть в сочувствие. Именно играть, а не переживать. Так, например, с этим сочувствием гладил руку своей матери, когда хоронили отца, и легкой, почти воздушной улыбкой он сообщал родителям Марии, что еще есть надежда, надо молиться и ждать.

Смерть отца, слезы родителей у тельца бедной Марии, одной из пациенток больницы, которая скончалась через неделю после того разговора, не выдержав жесткого курса химиотерапии... Это все существовало где-то в параллельном мире. Еще лет пять назад он бы плакал, часами утешал убитых горем близких, но теперь... Уже не верилось, что в этом есть хоть какой-то смысл. Все стало надуманным и пустым. Кай

не видел Бога в палате с умирающими детьми. Не было ничего святого и божественного в мучениях, что выпали этим невинным созданиям, не понимающим, почему они должны умирать так рано, совсем не успев насладиться ни чистотой этого мира, ни его греховностью. Просто запах смерти, запах страха и все... Ни Бога, ни дьявола, никого...

Он медленно оторвал глаза от пляшущих за окном огней и с интересом окинул взглядом невысокого парня в больничном халате, одетом прямо на голое тело.

– Ходячий? – Кай решил, что удача повернулась к нему лицом и у него все же будет компания в новогоднюю ночь.

Тут ведь редко кто приходит в себя. Конечно, иногда случается чудо, но очень уж нечасто возвращаются с того света. Если это и впрямь человек, вышедший из комы, то отпраздновать Новый год не получится. На этот счет есть вполне определенные инструкции, и каждый такой случай стоит на личном контроле главного врача, а халтуры он не потерпит. На первый взгляд, парень не тянул даже на больного с вездесущим ОРЗ и выглядел вполне здоровым, но Кай все же решил убедиться, что гость, заглянувший на его огонек, не потеряет сознание и не отправится к праотцам посреди разговора.

– Как видишь, док, – пожал плечами вошедший.

– Хватай, – Кай ткнул полупустой банкой на две коробки пива рядом с раковиной, внимательно следя за движениями незнакомца.

– Круто! – гость обрадовался и, не медля ни секунды, принялся за дело.

– Я – Кай.

– Сергей, – нехотя оторвавшись от банки, сказал парень, – из второй.

– Коматозник, что ли? – насторожился Кай, выругавшись про себя. – Там же только жмурики лежат.

– Так и есть, – кивнул Сергей. – Но сколько можно валяться-то?

Кай нахмурился, изучающе посмотрел на Сергея. С виду парень был в полном порядке. Крепкий, лицо без следов от пластыря, которым приклеивают трубку для вентиляции легких и после которого остается неизменный грязный отпечаток. Значит, точно не один из них, да и спину держит как надо...

– А если серьезно, из травмы?

– Из нее, – со вздохом ответил Сергей, словно пойманный врасплох разведчик.

– Так бы и сказал, а то я уже думал, что у меня жмурик воскрес.

К Каю вернулось самообладание, которое чуть было не покинуло его от мысли, что какой-то коматозник разгуливает по этажу, а он ни сном ни духом. А вот ребятам из травмы и пить можно. «Ну чего им будет-то? Мало ли, перелом или вывих, а может, и потянул чего человек», – успокоил сам себя Кай. Было радостно от того, что можно поговорить с кем-

то и разделить новогоднюю тоску. Конечно, он бы и один справился, накачался таблетками и паялился на прыгающие огоньки до самого утра, но в компании куда веселее.

Кай не был самым умным и опытным хирургом в больнице, но уж определить на глаз то, что ночной гость здоров и не нуждается в немедленном врачебном вмешательстве, он мог. Глаза в норме, опорно-двигательный аппарат тоже, речь не заторможена, чувство юмора... Одним словом, на роль собутыльника вполне подходит, а большего сейчас и не надо.

Сергей тем временем прикончил банку и, довольно улыбувшись, проговорил:

– Спасибо, док, давненько я пиво не пил, давненько...

– Не за что, приятель, ты бери, у меня этого добра хватает, – Кай указал на широкий подоконник рядом с таблетками, приглашая собеседника присесть.

– Не, я лучше поближе к живительной влаге, – отмахнулся Сергей и уселся рядом с раковиной как раз на то место, где совсем недавно сидел Кай.

С минуту сидели молча. Сергей причмокивал, поглощая вторую порцию напитка, а Кай, почувствовав, что таблетки начали шествие по уголкам замутненного сознания, изо всех сил старался вернуться в нормальное состояние, деля про себя трехзначные числа на пять и три. Поняв, что математика чуть поправила его ощущение реальности, он перевел взгляд с елки, которая продолжала переливаться праздничными огнями, на Сергея. На какой-то короткий миг показалось, что

глаза могут видеть прямо сквозь него. Будто тело Сергея состоит из очень плотного дыма, разукрашенного в разные цвета и оттенки, но сквозь этот дым можно увидеть пол, тумбочку со встроенной раковиной и зеленую стену.

Кай протер глаза и снова посмотрел на Сергея. Теперь тот выглядел совершенно нормально. Обычный парень из плоти и крови.

– Тебе не жутковато праздновать рядом с покойником? – поинтересовался Сергей, разглядывая тело, накрытое синим покрывалом.

– Что? – Кай не сразу сообразил, о чем идет речь.

– Там, у стены, – кивнул Сергей в сторону дальней кровати.

Кай медленно повернулся и посмотрел на тело.

– Мертвых я не боюсь, я боюсь живых, – растягивая слова, проговорил Кай.

С первого курса он постоянно сталкивался с трупами, с частями трупов или, как говорили на кафедре, с «материалом». Поначалу это неприятно, иногда даже пугающе жутковато, особенно когда режут, кромсают, сверлят, долбят и выкручивают. Но с каждым днем разум все больше привыкал, и к пятому курсу они уже могли обедать в морге, что часто и делали.

Кай, как и многие сокурсники, иногда хранил в морге обед, чтобы он не испортился, а некоторые даже умудрялись заниматься там сексом, считая, что именно в морге больше

шансов остаться незамеченными.

– Так наш командир говорил, – согласился Сергей. – Просто странный выбор места для праздничной попойки.

Кай встряхнулся, вырывая разум из нахлынувших воспоминаний, и ответил, так же медленно проговаривая слова:

– Отсюда елку видно, а что за Новый год без елки?

– Это точно, мы даже в Афгане елку наряжали, – Сергей мечтательно посмотрел в потолок, явно вспоминая приятные моменты из прошлого, – правда, вместо елочных шаров были запчасти от танков и вертушек. Мы их разукрашивали чем Бог пошлет.

– Афган застал? – удивился Кай, так как Сергей выглядел довольно молодым парнем, а последние войска вывели еще в восьмидесятых годах.

– Застал...

– Но это же... – хотел было удивиться Кай, однако Сергей перебил его.

– Ты же не думаешь, что с выводом советских войск все просто закончилось в один день? – усмехнулся военный и потянулся за новой баночкой пива. – Были еще спецоперации, наркота, которую везли тоннами, организованная поддержка натовских частей, которые ни черта не знали, как воевать с талибами на их территории.

– Никогда не слышал о таких операциях, – округлив сгорающие от любопытства глаза, воскликнул Кай, которому безумно нравились подобные истории.

– Поэтому они и называются «специальные», – поучительно проговорил Сергей, расчерчивая воздух указательным пальцем правой руки, словно указкой. – Думаешь, как я, военный, оказался не в военном госпитале, а здесь, среди гражданских?

У Кая пробежал мороз по коже. Он вдруг совершенно ясно осознал, что сидит рядом с человеком, чья работа состоит или состояла, точно он не был уверен, в убийстве людей. Он учится спасать человека, совершенствует свои навыки, чтобы сохранить самое ценное – жизнь, а этот улыбчивый парень, который беззаботно попивает пиво, сидя прямо на полу, получил знания, как всеми возможными способами уничтожать и разрушать. Сергей, видимо, догадался, о чем задумался Кай, и с такой же обаятельной улыбкой добавил:

– Забавно, врачи лечат, мы калечим...

– Да уж, забавненько, – с грустью в голосе заметил Кай, целясь пустой банкой в мусорное ведро, словно баскетболист, – встретила пехота с женским батальоном.

– Я не склонен драматизировать, да и поболтать можно о чем угодно, не обязательно же говорить о работе?

– Это, конечно, так, – опять начал растягивать слова Кай, – но почему-то всегда все кончается именно работой.

– Знакомо, – согласился военный, – тогда не будем петлять и начнем говорить о ней сразу.

Кай понимающе улыбнулся и посмотрел на собеседника, который снова на какой-то миг стал почти прозрачным, пре-

вратившись в дымное облако. Он сильно зажмурился, пытаясь отогнать виденье, а в том, что это было именно оно, Кай не сомневался. Иначе Карина бы и не поступила, ее убойные смеси знало все общежитие и даже кое-кто за пределами института. Но теперь Каю хотелось быстрее прийти в себя, галлюцинации в его планы на эту ночь совсем не входили.

– Ты сам-то сюда как попал? – наконец открыв глаза и увидев, что Сергей снова стал самим собой, спросил Кай.

– А, дурацкая история, – грустно ответил Сергей.

– Ну уж точно веселее той, после которой я оказался здесь, – парировал Кай.

– Что, ты тоже не планировал отмечать праздник наедине с трупом и елкой за грязным окном? – усмехнулся военный.

– Конечно, не планировал, я должен был праздновать в двухэтажном коттедже с сауной, молодыми студентками и...

Кай замолчал и практически заскулил, как ужаленный пчелой пес. Военный распрямил ноги, устроившись поудобнее, и с видом опытного психолога посмотрел на товарища по несчастью.

– Я так понимаю, что у твоего несчастья есть имя? – подражая киношным психологам, проговорил Сергей и поправил пальцем несуществующие очки.

Кай секунду смотрел на него, поражаясь, что в этом незнакомце, в военном и, скорее всего, убивавшем людей человеке, скрыто столько артистизма и чувства юмора, а потом...

А потом он рассмеялся. Негромко, немного натужно, словно боялся разбудить спящего, но все же это был смех.

– Есть, и даже не одно, – проговорил Кай и, вдруг снова сделавшись серьезным, добавил: – Две студентки, они мне обещали кое-что за помощь с экзаменом...

– У-у-у-у, понимаю! – воскликнул военный. – Сравнить мне не с чем, но чисто по-мужски понимаю.

– Да уж, – отмахнулся Кай, будто у него над ухом кружила назойливая муха. – А я, дурак, поспорил на ночное дежурство – и как ты видишь...

– Продолбал его? – Сергей вопросительно посмотрел на собеседника.

– Это еще мягко сказано. Эта зараза знала, как сильно я хочу попасть на вечеринку, также знала, что я обязательно вяжусь в этот дурацкий спор просто ради того, чтобы быть рядом...

– Нравится? – Сергей спросил почему-то шепотом, словно боялся, что их могут подслушать.

– Да, – кивнул Кай, – может, даже больше...

– А может, эта зараза, с которой ты спорил, специально все устроила? – Сергей заговорщицки посмотрел на Кая.

– Не думал об этом, – ощущая прилив радости, отозвался Кай, которого эта мысль согрела изнутри, ведь она могла означать только одно: Карина ревнует.

Сергей промолчал. За окном тем временем все чаще слышались разрывы петард, и Кай увидел, что после каждого

взрыва Сергей посматривает то на дверь, то на окно, будто ждет, что может ворваться противник. Гадать, о чем думает Сергей, не было смысла, все и так понятно.

– Терпеть не могу эти чертовы петарды!

– Что? – погруженный в свои мысли, Сергей не сразу вернулся к реальности, но, сообразив, о чем речь, тихо добавил: – Да... словно под обстрелом.

Последнюю фразу военный произнес без тени испуга или настороженности, скорее наоборот, казалось, вспомнил что-то приятное и давно забытое.

– Бывал под обстрелом? – усаживаясь на подоконник, поинтересовался Кай и тут же мысленно отругал себя за такую прямолинейность.

– Бывал, – ответил Сергей, явно не найдя в вопросе ничего, что могло задеть его. – Я, собственно, так сюда и попал.

– Можешь не рассказывать, – спохватился Кай.

– Да все нормально, это же не вчера было...

Кай кивнул и прислонился побаливающей спиной к прохладному оконному стеклу. Кожа на лице немного вспотела от действия принятых таблеток. Наконец получилось устроиться поудобнее, так что боль почти не ощущалась, и он замер. Кай всегда замирал, если удавалось поймать то самое чувство, когда кожа словно стягивается к макушке головы, а по спине начинают бегать мурашки. Ему было не важно, что происходит в такие моменты вокруг, хотелось просто застыть в этом положении и раствориться в приятных ощущениех.

ниях.

– Ты знаешь, там, в горах, небо совсем другое.

– Ближе? – прошептал Кай, не шевельнув при этом ни одной лишней мышцей тела.

– И ближе, и звезды ярче, – Сергей мечтательно посмотрел в проем окна, но небо над городом затянуло тучами, которые не давали шанса увидеть даже луну, не говоря о звездах.

– Как в Сочи?

– Похоже... Как же здорово там смотреть на звезды... Нет... Ты не подумай, я не из тех влюбленных чудиков с переизбытком гормонов. И точно не астроном-любитель... Я солдат, и тогда, в окопе, мне казалось, что я чертовски давно не видел звезд.

– Поэтично у тебя получается, – заметил Кай, у которого приступ блаженства нахлынул с новой силой, и теперь казалось, что даже волосы на голове начали шевелиться подобно клубку маленьких змей.

– Это потому, что я много чего читал, выбор развлечений у солдата невелик, – Сергей прервался на глоток пива. – Ты, может, удивишься, но из окопа звезды выглядят совсем по-другому. Я тогда заканчивал фантастический роман о далеких звездных сражениях. Там были космодромы, огромные армии и целые планеты, предназначенные для пляжного отдыха, рудокопы и антропологи, биологи и исследователи незнакомых и малоизученных уголков Вселенной. Это было

настолько детально описано, что казалось реальным.

– Я тоже фантастику люблю, – мечтательно проговорил Кай и, пошарив в нагрудном кармане, достал телефон и включил запись несравненного Эннио Морриконе.

Ему вдруг нестерпимо захотелось сделать так, чтобы у этого повествования появился фон, второй голос, отличный от голоса военного и шума города за окном. Это должен был быть именно Морриконе, поскольку он всегда умудрялся прочувствовать нерв момента и дать этому моменту глубокий смысл своего гения. Сергей тем временем продолжал рассказ, не обратив внимания на тихую музыку:

– Мы тут делим жалкие клочки земли, чтобы закрепить чужое право на их использование в личных целях... А там, среди звезд – сотни миров, а может, тысячи, но мы, люди, такие гордые и тщеславные, что смеем утверждать – нет! Мы одни во Вселенной! Ну да, конечно, когда-то и за идею, что Земля вращается вокруг Солнца, можно было на костре поджариться...

– Да, эти парни в Европе так увлеклись, что, по-моему, успешно уничтожили весь свой генофонд женской красоты, – заметил Кай. – Как их баб по телику вижу, сразу понятно становится, почему у них геев много развелось. Ужас! Они же все страшные, блин...

Закончив лирическое отступление, Кай посмотрел на Сергея, который, набрав в грудь воздуха, будто ждал команды к продолжению. Кай смутился, что перебил военного

глупыми ремарками, и виновато кивнул головой:

– Извини, Серый, накатило чего-то!

– Почему же, я очень даже согласен, – усмехнулся тот, – по мне... так все нормальные бабы или в кино, или в порнухе, а вот остальные...

– Ты продолжай, – попросил Кай, желая вернуться в то самое состояние блаженства, которое он ощущал мгновением раньше, – я все, замолкаю.

– Смешно, конечно, вспоминать... – продолжил Сергей после довольно длительной паузы. – Мы, грязные, уставшие, пропахшие потом и машинным маслом, лежали в окопах в ожидании приказа, а я смотрел на звезды и мечтал...

Сергей рассказывал так увлеченно и так умело, что Каю показалось, вроде он читает монолог из отрепетированного когда-то давно спектакля. Уж очень убедительно и правдоподобно. Но думать об этом долго Каю не хотелось, и он снова переключил все внимание на голос собеседника, который вел рассказ:

– Я помню, что так вот все себе представлял... мечтал о чем-то, и тут меня отвлек свист. Он все нарастал и нарастал, пока не превратился в огненный шар, больно ударивший в глаза, уши, укусивший кожу на груди жарким потоком ударной волны и... Тишина. Надо мной звезды, плывут себе куда-то, зовут, манят меня. А сил у тридцатилетнего боевого офицера нет. Как пацан, получил по загривку от своей же артиллерии. Долбанные ногти, салабонов сопливых координаты

передавать сажаем. Воюй тут! Как же...

Кай сидел на подоконнике, боясь пошевелиться. Сергей потянулся за очередной банкой пива, дыхание его было частым и прерывистым, движения казались излишне резкими, словно рассказ вернул его в тот самый день и он заново пережил все до мельчайших подробностей.

– Так я тут и оказался. Просторная палата, тишина, капельница и череда снов длиной в несколько месяцев с небольшим перерывом, когда я на целых восемь часов приходил в себя...

– Значит, ты все-таки коматозник, – грустно проговорил Кай, предвидя кучу бумажной работы.

– Прости, док, – потягивая напиток, с нескрываемым удовольствием проговорил военный, – выходит, что так!

– Блин, – Кай стукнул затылком по холодному стеклу, словно это могло помочь. – Это же кучу всего заполнять!

– Да не переживай, док, я же могу прийти в себя и в дневную смену, – радостно сообщил Сергей, – ну поваляюсь еще несколько часов, а после утреннего обхода воскресну!

– Ты серьезно? – Кай посмотрел на военного так, будто тот предложил ему последний глоток воды в пустыне.

– За добро надо платить добром, – улыбнулся солдат и покрутил в руке пустую банку.

– А ты... видел, что по ту сторону? – поинтересовался Кай, пересаживаясь снова на кровать, поближе к собеседнику. – Есть там что?

В палате повисла тишина. Сергей молчал, глядя под ноги, Кай взирал на него, силясь угадать, о чем тот думает. Таблетки, кажется, окончательно утратили свою власть над разумом, и мир виделся плотным, каким и должен быть, из стекла, пластика и бетона. Сергей взглянул прямо в глаза Каю, явно желая разглядеть самые дальние и потаенные уголки его души. Голубые глаза не моргали, изучали и оценивали. Кай только сейчас обратил внимание на цвет глаз и словно растворился в них. Глаза были не столько по-театральному выразительны, сколько гипнотически чарующие. Казалось, в них можно смотреть часами и даже не заметить этого.

– Трудно сказать, – медленно ответил военный, не отводя глаз.

– Трудно? – возбужденный, предчувствуя интересный рассказ, Кай заерзал на кровати. – Значит... Значит, что-то все-таки было? Ведь было? Так?

Взгляд Сергея сделался тяжелым, он скользнул по палате, по полу, потолку, покойнику у дальней стены и по обесточенным приборам искусственной вентиляции легких с притороченным рядом монитором сердечного ритма. Наконец он вздохнул и заговорил.

– Я вспомнил свои прошлые жизни... – подавленным и тихим голосом произнес он.

Кай от удивления закашлялся. Он ожидал рассказа про туннель, белый свет в конце, ну, может, про то, что душа летала по операционной, или еще чего в том же духе, но вот

так? Конечно, он не верил ни единому слову, ведь для всей этой ерунды есть вполне научное объяснение, например, реакция мозга на кислородное голодание, выброс определенных гормонов, и кто его знает, что еще может придумать наше тело, лишь бы не свести нас с ума ужасами процесса смерти. Ну кто, в самом деле, захочет в момент смерти осознавать, что вот сейчас он умрет, прямо сейчас! Вот он, этот миг, которого каждый боится на протяжении почти всей жизни. Свет погаснет – и все, путь закончен, и точка! Ни рая, ни ада, ни суда... Просто вечное ничто!

Кай помнил, как в первый раз увидел смерть, точнее, тот самый миг, когда человек окончательно и бесповоротно умирает. Он долго не мог понять, почему в одном случае человека пытаются вернуть, делают массаж сердца, бьют электричеством, а в других случаях доктора молча накрывают умершего простыней и выключают свет в палате. Ему казалось, что есть какие-то признаки или симптомы, о которых он пока не знает, но именно по ним врачи определяют, следует делать реанимацию или... В памяти всплыли воспоминания о той самой смерти...

Это был один из сотен и даже тысяч человек, попавших в тот год на стол реанимации после дорожной аварии. Их поступило двое: женщина лет тридцати с переломом ребер, с практически вырванной из плечевого сустава рукой, с пробитым черепом и внутренними кровотечениями, а также мужчина лет на десять старше с травмой головы и парой пе-

реломов. Казалось, шансов у него на порядок больше, чем у спутницы...

Но вот женщина... У нее было свое, особое мнение на этот счет. Когда Кай спросил у профессора Руденко, какие шансы у поступивших пациентов, тот сразу же отрезал: мужчина не жилец, а девушка поборется. Кай даже начал спорить, однако тот отмахнулся, как от назойливого овода в жару, и склонился над девушкой. Нет, мужчину тоже пытались спасти, и сам Руденко не раз углублялся в изучение анализов, давал какие-то указания, вот только до утра дожила лишь она.

Перед глазами, будто старый фильм, проплыли воспоминания, как перед самой смертью мужчина пришел в себя и как смотрел на него, не понимая, что происходит. Глаза мокрые от слез, губы потрескались, лицо сводит от боли, несмотря на максимальную дозу обезболивающего... И вот что-то пронзило его спину, тугая судорога скрутила мышцы, он прогнулся, кусая зубами трубку из медицинского пластика, вставленную в рот, на миг замер и в следующий миг обмяк. Тут же раздался предупредительный сигнал от приборов об остановке сердца и падении давления, но никто не бросился за дефибриллятором, не было криков или суеты, Руденко безмолвно накрыл лицо умершего простыней, взял меня под локоть и повел к девушке, продолжающей бороться за жизнь. Естественно, Руденко все сделал по инструкции, как и полагается доктору такого уровня, но вот огонька в его

отточенных временем действиях не было, словно на столе лежал тот самый Гоша, а не живой человек.

Тогда я ничего особенного не увидел. Девушка тоже была напугана, она так же чувствовала боль и временами теряла сознание, но что-то было в ней такое, чего не было в том, уже остывающем человеке. Это не сила или упрямство, это не уверенность, что все будет хорошо, нет... Просто рядом с ней абсолютно точно чувствовалось, что сегодня не она умрет. Не умрет, и точка.

– Расскажи, – осторожно попросил Кай, отгоняя от себя неприятные воспоминания о смерти.

– Все равно ты не поверишь, – спокойно проговорил военный. Казалось, он не видел смысла в пересказе своих снов или даже воспоминаний человеку, который все равно не верит ни единому слову.

– Я, скорее, буду искать объяснение твоим словам, а не ложь в этих словах, – вдумчиво сказал Кай, взвешивая слова, будто адвокат в суде.

Упустить шанс послушать вышедшего из комы о его прошлых жизнях Кай просто не мог. Ведь это отдушина для врача, на чьих руках хоть раз умирал пациент. При всем цинизме, при всей приобретенной профессиональной черствости ему хотелось, чтобы в душе поселилось сомнение по поводу однозначности такого сложного и одновременно простого процесса, как смерть. Не нужно доказательств, хватило бы и человеческого сомнения.

– Тяжело думать, что мы уходим в никуда? Верно?

– Чертовски верно, – согласился Кай, – особенно если именно ты посодействовал...

– Вам, врачам, тяжело. Вы же действительно пытаетесь спасти, – воодушевленно поддержал военный осунувшегося Кая. – У солдат-то такая задача и поставлена, понимаешь? Уничтожить живые силы противника... Жи-вы-е! И тут не до соплей. Тут либо ты, либо тебя...

– Никаких душевных ран?

– Никаких, Кай, – Сергей вдруг плотнее закутался в свой халат, вроде попал под порыв морозного ветра. – Это было ночью, в сорок втором, третье марта, а может, четвертое, черт знает, мы уже и сами сбились со счета. Я в ледяной, колючей войлочной шинели, по которой ползают вши, но даже они больше не беспокоят. Она не греет, она ни хрена не греет!!! Лишь закрывает от острого и хлесткого, как ледяная плеть, ветра. Рукава задубели от чужого застарелого и вонючего пота. Сколько бедолаг грелось в этой шинельке до меня? Под рукавом, вот здесь, чуть выше локтя, разрез, а ниже темное пятно! Если шинель все же досталась мне, значит, бывшему хозяину не повезло. Или отправился в тыл калекой, или сгинул без следа, как и несколько миллионов до него!

Кай застыл от ужаса. Он смотрел, как Сергей показывает на себе место разреза, будто это произошло вчера или неделю назад. Видел, как морщится от несуществующего запаха его нос и как сжимаются пальцы ног, словно те долго про-

мерзали в мокрых солдатских сапогах. Сергей тем временем продолжал:

– Вокруг царит болезнь, отовсюду доносится запах преющей от вечной сырости человеческой кожи, – он с отвращением помотал головой, пытаясь избавиться от дурных воспоминаний, – но не это самое страшное. Кошмарнее всего тотальное уныние. Полное безволие и апатия... Если бы скомандовали «В атаку!», все двенадцать человек, сидящих рядом, без раздумий, без колебаний ринулись бы вперед, и каждый искал, и искал бы с надеждой и радостью, свою спасительную пулю.

– Ты говоришь так, будто это было вчера, – не выдержал Кай. – Но это же...

– Я вспомнил все! Свои ощущения, даже мысли свои вспомнил! Прошлой ночью четверо из роты Еремина не вытерпели и развели огонь, несмотря на то, что до опушки было всего шагов сто. Не выдержали они...

– Не выдержали? – Кай не сразу понял, о чем речь.

– Да, не выдержали, – повторил Сергей и пояснил: – Разводить костер, находясь в зоне досягаемости минометного или пушечного огня, не самая хорошая идея.

– Понимаю, – согласился Кай.

– Немецкие артиллеристы вообще парни хорошие были. Если кому надоело по земле-то ходить, они это на раз! На айн, цвай...

Сергей заговорил так, вроде был героем старого военного

фильма. Он еще раз повторил: «На айн, цвай», разгибая при этом пальцы левой руки, и продолжил на тот же манер:

– У них, у немцев, вообще с инструкциями и правилами свой пунктик есть. Вот, например, написал какой-нибудь севовласый немецкий тактик: «Заметил огонь в лесу, за линией фронта, а приказа „Не стрелять“ не было – смотри пункт первый». А там, в этом пункте, писано, мол, бей врагов великого Рейха!

– Да, у немцев все по инструкции, тут уж дураку понятно, – прокомментировал под нос Кай.

Сергей кивнул головой и замолчал. Казалось, слова застряли в нем и он никак не может извлечь хотя бы одно. Словно ему трудно проговаривать их для Кая. Глаза военного наполнились печалью и заблестели. Он обхватил шею руками, как будто хотел пригнуть себя к земле, и еле слышно, сдавленно и натужно застонал. Стон длился несколько секунд, потом военный резко распрямился и вроде ничего и не было продолжил:

– У немцев к записанному на бумагу странное отношение. Этим мы, собственно, и воспользовались. Собrania, конечно, не было, нет... Просто каким-то образом каждый для себя все решил...

Тут Сергей снова замолчал, и Кай осмелился немного подтолкнуть его:

– Что решил?

– Решил перестать жить! – так же тихо ответил военный. –

Не умереть, нет! Именно перестать жить! Жить так, как жил все эти голодные и холодные дни в окружении, без еды, без тепла, без надежды!

– Я даже не знаю, что сказать, – чуть слышно проговорил Кай, втянув голову в плечи, – не знаю.

– Где-то далеко раздался выстрел, в серой, холодной тьме качнулся столб горячего от пороховых газов воздуха. Не было никаких взглядов в глаза друг другу, речей или тяжелых вздохов, ничего этого не было. Просто все сжалось внутри, на какой-то миг захотелось броситься прочь от костра и...

Сергей посмотрел прямо на Кая глазами, полными слез и страха, словно искал понимания... Может, искал прощения, но Кай не знал, не мог знать, что может искать и чего может хотеть душа солдата, который решил перестать жить. Сергей чуть помедлил и спокойным ровным голосом проговорил:

– Но этот порыв тут же угас. Хоть умереть надо с открытыми глазами, хоть сейчас не бежать никуда... Немец не подвел!

В палате воцарилась тишина. Кай смотрел на солдата. По его лицу текли слезы, грудь чуть вздрагивала от прерывистого дыхания. Каю вдруг вспомнились слова старой песни, которые он не мог удержать в себе. Он тихо прочел полузабытые строки.

Ты видишь: я для тебя – смерть.

Ты видишь: меня не стереть.

Я – память о войне и боях.

Я – память в твоих кошмарных снах.

Сергей тяжело вздохнул, словно ему удалось пережить этот ужасный кошмар еще раз, но промолчал. Кай тоже не знал, что сказать. То ли начать рассказывать о том, что это просто сон, а может, списать на всю ту химию, которой его, без сомнения, пичкали. Вот только зачем, Кай не знал. Он сидел на больничной кровати, как на бревне, дрейфующем посреди бескрайнего океана, и ему казалось, что только здесь, на этом маленьком островке, он находится в безопасности. В безопасности от сомнений, которые пришли вместе с ночным гостем...

– Знаешь, – вдруг нарушил тишину военный, – все это неправда на счет вечной памяти... Новому поколению уже не оценить подвига, потерь, горя... Им давно насрать! Они забудут, я уж знаю, поверь мне, Кай. Меня столько раз забывали...

– Значит, у них будет шанс самим совершить настоящий поступок, – вступился Кай за своих сверстников, которые знали о войне лишь из компьютерных игр и кино.

Сергей скривил улыбку и, прищутив один глаз, посмотрел на Кая, словно оценивая, способен ли он на подвиг. Кай уловил этот взгляд, и ему сделалось неловко. Казалось, он вернулся в детство, и мама, еще здоровая, не знающая об арт-

рите и ишемической болезни, веселая и молодая, спрашивает, кто ему нравится в классе. Кай краснеет, пытается отвернуть пунцовое лицо, спрятать глаза, а мама вместе со своей лучшей подругой тетей Мариной смеются и протягивают ему любимое эскимо в фольге.

Так делала мама, так она смотрела, когда хотела узнать, говорит ли он правду и до конца ли честен с ней. Смотрела так, когда он в первый раз напился после осеннего бала в старших классах, смотрела, когда заявил, что хочет лечить людей. Ирина, так ее звали, до безумия любила литературу, в особенности сказки, откуда Кай и получил такое странное для москвича имя. Она тоже прищуривала один глаз, склоняясь и пытаясь посмотреть ему в глаза...

– Ты думаешь, что для подвига нужна война? – в абсолютной тишине полумертвого больничного этажа голос военного прозвучал как выстрел.

– Ну не знаю, наверное, не обязательно это должна быть война... – вопрос резко выдернул Кая из воспоминаний, и для связного ответа пришлось собирать, словно пазл, разбежавшиеся мысли.

– Знаешь, зачем нужна война? – спросил Сергей. – Знаешь ее оборотную сторону?

– Нет, – тихо отозвался Кай.

– Все просто. Война приходит тогда, когда человека начинают оценивать по накоплениям, любви назначают цену, когда дружба нужна лишь для того, чтобы было с кем выпить,

а не с кем помолчать, тогда приходит война... И именно война показывает тем, кто все же выживет в боине, что дружба и честь, любовь и взаимовыручка – единственные вещи, за которые можно умереть.

Сергей замолчал и задумчиво уставился на памятку по пользованию туалетом для больных с ограниченными возможностями, висящую у двери уборной.

– А противоречие?

– Это как раз самое грустное... – военный опустил голову. – Дело в том, что трус и предатель так и остается трусом и предателем. Такие люди не идут в добровольцы, они сидят по своим норам в то время, когда лучшие из лучших, смелые сердца, способные любить и сострадать, гибнут на передовой. Но война пройдет, и та мерзость, что пряталось за спинами храбрецов, окрепнет и лет через десять снова начнет учить нас, как любить, что именно любить и самое главное – за сколько...

– Это ужасно, – согласился Кай, – это же с каждой войной таких людей становится все меньше и меньше...

– Да, – кивнул военный. – Я помню, как служил в Римской армии Нерона в центурии, по-нашему в сотне, у Августа Пленея. Точнее даже не у Нерона, а у Скапулы, но не это важно! Главное, что служил...

Кай чуть не подпрыгнул от радости. Он с детства был без ума от исторических фильмов. На одиннадцатый день рождения мама подарила ему книгу «Спартак», где рассказыва-

лась трагическая и между тем героическая история о борьбе рабов за свободу. Кай, конечно, сомневался в каждом слове Сергея, ведь это не могло быть правдой, но сейчас решил забыть о сомнениях и послушать еще одну историю о древнем Риме. Просто послушать.

Военный обратил внимание, что Кай заметно оживился и даже повеселел, словно отдаленность тех давних времен должна смягчить предстоящее переживание, и неспешно продолжил рассказ:

– Наша триера...

– Корабль? – тут же перебил Кай, услышав знакомое определение.

– Да, Кай, военный корабль с тремя рядами весел, потому и назвали его триерой. Так вот, наша триера шла под полными парусами, весла убраны, рабы заняты судовыми поручениями. Ты сам-то ходил под парусами?

– Нет, – отрицательно покачал головой Кай.

– Я так и думал, – ухмыльнулся солдат, словно в сотый раз огорченный молодым поколением. – Помню все, будто это случилось на прошлой неделе! Хотя даже год толком не скажу, потому что для меня тогда не было никакой «до нашей эры» и «нашей эры». Это была просто моя эра, моя жизнь и просто год! Мы сидели в трюме у огромного сундука и играли в кости. Жировые светильники нещадно коптели, в воздухе витал запах вяленого мяса, которое мы ели во время плавания вприкуску с сушеными помидорами, сы-

ром и сладким вином. Не самым лучшим, но и не самым плохим вином в моей недолгой жизни.

– У меня мурашки по коже от твоего рассказа, – признался Кай.

– Из своих двадцати четырех лет, – продолжил Сергей, сделав большой глоток из банки, – два последних я провел в римском легионе.

– И имя мне – легион, – машинально повторил фразу, растражированную в сотнях книг и фильмов, Кай.

– Тогда мы не верили в единого Бога, мы верили в себя и в братьев по оружию!

– И куда же выплыли? – вспомнив про триеру, полюбопытствовал Кай.

– Блестиум! – гордо, словно это была большая честь, проговорил Сергей.

– Что это?

– Это первый военный форт Рима в Британии, Кай, – все так же наполняя каждое слово гордостью, проговорил военный, – я Люций, сержант.

– Блестиум, – будто замороженный, повторил Кай. Слово почему-то очень понравилось ему – Б-Л-Е-С-Т-И-У-М.

Военный посмотрел, как сержант на новобранца при утреннем смотре, и сказал:

– Я был одним из тех, кто захватил это место, а затем укрепил и превратил в форт!

Кай вдруг осознал, что все, чего сейчас хочет его есте-

ство, – задать Сергею один-единственный вопрос. Он мысленно одернул себя и даже прикусил немного язык. Военный увидел, а может, даже почувствовал это распирающее желание и вопросительно посмотрел на собеседника.

– Скажи, а тогда там, в Блестиуме, ты смог вернуться?

Сергей так и замер, испытующе глядя на Кая. Прошло около минуты, прежде чем он снова заговорил:

– Я лежал в мокрой податливой и раскисшей от частых дождей земле. Сотни факелов бликами играли на влажных от воды и крови лицах моих собратьев. Почти все они лежали так же, как и я, а те, кто пытался встать, тут же падали, словно подкошенные.

– Напали? – желая проявить участие, спросил Кай.

– Да, – равнодушно подтвердил Сергей. – До той ночи мы не слышали, чтобы они так действовали, но, видимо, мы вообще мало что знали о британцах на тот момент. По нам выпустили просто чертову уйму стрел, так что живого места на земле не было, оставалось только доделать начатое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.